

**НОВЫЕ
ПЕТЕРБУРГСКИЕ
ТАЙНЫ**

АНТОН
ЛЕОНТЬЕВ

ПОТРОШИТЕЛЬ
ДУШ

Москва
2018

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Л47

Оформление серии *А. Дурасова*

В оформлении обложки использован
городской пейзаж «Заметает-задувает» (2017 г.)
художника *О. Ильдюкова*.

Леонтьев, Антон Валерьевич.

Л47 Потрошитель душ / Антон Валерьевич Леонтьев. — Москва : Эксмо, 2018. — 352 с. — (Новые петербургские тайны).

ISBN 978-5-04-094407-1

Доктор был уверен: эта девушка, представившаяся Ариадной, обыкновенная сумасшедшая. Прочитала первую часть исторического романа его подопечного, известного писателя Державина-Клеопатрова, о возвращении Джека-потрошителя, и ее посетило видение — убийство, совершенное последователем знаменитого преступника в наши дни. Но вскоре выяснилось, что Ариадна не обманывала: убийство произошло и было обставлено именно так, как она описывала! Неизвестный копировал выдуманные события из публикуемого по частям романа, и личность маньяка из вымышленной вселенной могла стать ключом к раскрытию преступления в настоящем. Но Державин-Клеопатров упорно скрывал, кто в его книге окажется убийцей...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-094407-1

© Леонтьев А.В., 2018
© Ильдюков О.Е., иллюстрация, 2018
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2018

За карандашом не спрятаться —
для этого он слишком тонок.

Манфред Хинрих

«— Treize!¹ — дрожащим голосом воскликнула новоиспеченная графиня, и в ее необычайно притягательных, фиалкового цвета глазках мелькнул ужас. — Нас будет сегодня *тринадцать!* Захар, как такое возможно?

Шурша шелками наимоднейшего парижского туалета, обошедшегося ее супругу в целое состояние, графиня резко обернулась и уставилась на дворецкого.

На невозмутимом лице Захара, внешностью и осанистостью походившего ежели не на римско-католического кардинала, так по крайней мере на архиепископа Кентерберийского, не дрогнул ни единый мускул. Глядя на вышколенного бледнолицего дворецкого, облаченного в камзол и белые перчатки, нельзя было допустить и мысли о том, что он вообще в состоянии проявлять эмоции.

— Захар, я же просила, чтобы гостей было сколько угодно, но только не тринадцать! — продолжала в гневе графиня, и сквозь маску учтивости проступила ее подлинная сущность — капризной, алчной, упрямой особы, которая никогда своего не упустит.

---

¹ Тринадцать (фр.).

Дворецкий поклонился, взглянул на лист пергамента, который она держала в руках, и почтительно произнес:

— Ваше сиятельство, не извольте беспокоиться. Секретарь господина Державина-Клеопатрова телефонировал около часа назад и известил меня, что его хозяин заболел и на суаре к вам, ваше сиятельство, прийти не сможет. Однако приношу прощение за то, что не сообщил вам об этом сразу же, ваше сиятельство.

Графиня вознамерилась было сказать какую-либо колкость — все же стоило проучить этого дворцового, который в их доме лишь несколько недель, а ведет себя так, словно управляет всем и вся, — но в этот момент в зал влетела девчушка лет трех, прелестная, как ангелочек, и донельзя похожая на графиню, так что никаких сомнений быть не могло: это была ее дочь.

— Мамочка, мамочка, расскажи мне сказку! — затараторила девчушка, и графиня тотчас забыла о нерасторопном дворцеком и аристократичным мановением руки отпустила его. Жест действительно более чем элегантный и в то же время изящный был заучен и отрепетирован графиней в те далекие времена, когда она играла роль любовницы-интриганки, метившей в жены Герцога в водевиле «Силы судьба непреодолимы». О какой она имела успех в этой постановке! И жест в итоге пригодился, ведь она стала женой дворянина — и пусть не испанского герцога, а российского графа, но все равно, все равно...

— Лизетт! Скажи это по-французски! — потребовала от дочки графиня, а когда малышка, вместо того чтобы сделать, как велела мать, вцепилась ей в шуршащие юбки и заревела, окончательно потеряла терпение.

— Мадемуазель Дрюо! Mademoiselle Drouot! — пронзительно закричала она. Когда на ее зов явилась запыхавшаяся гувернантка, пожилая дородная дама с тройным подбородком и родимым пятном во всю щеку (при выборе воспитательницы для дочери графиня проявила непреклонность, отмела всех более-менее симпатичных и молодых кандидаток и остановила свой выбор на этой особе, которая, помимо ряда блистательных рекомендаций и изумительного парижского выговора, обладала еще более важным качеством — была стара и страшна как смертный грех), графиня заявила:

— Мадемуазель, заберите Лизетт! И расскажите ей сказку!

Мадемуазель попыталась оторвать Лизетт от маминой парижской юбки, но девочка, которая пошла в родительницу не только внешностью, но и характером, заверещала:

— Мамочка, не хочу, не хочу! Расскажи ты мне сказку!

— Lisette, милая моя девочка, я расскажу вам сказку о Красной Шапочке... — заикнулась мадемуазель, но девочка захныкала пуще прежнего.

В этот момент донесся далекий звон дверного колокольчика, и графиня, которая была еще не до конца готова к встрече прибывающих гостей, вскричала:

— Lisette, крошка, сказку тебе расскажет мадемуазель Дрюо!

Она поцеловала девочку, которую гувернантка наконец отцепила от ее шуршащей юбки, и углубилась в мысли о том, какой из гарнитуров надеть — жемчужный фермуар, рубиновое кольцо или, быть может, недавний подарок мужа, редкостный бриллиант-солитер.

— Мамочка, не хочу, расскажи мне ты! Мадемуазель плохая, у нее в комнате плохо пахнет... И она не дает мне леденцы! — хныкала Lisette, а гувер-

нантка пыталась отвлечь ее, начав рассказывать по-французски сказку о *Le Petit Chaperon rouge*¹.

Последующие двадцать минут графиня, поднявшись наверх, провела в своем будуаре, где, отворив вмонтированный в стену сейф, примеряла перед огромным зеркалом драгоценности. Она могла заниматься этим, без преувеличения, часами. Времена, когда ей нечем было заплатить за квартиру и приходилось делать то, о чем сейчас стыдно вспоминать, прошли, причем безвозвратно. Нет, что ни говори, но граф, ее супруг, был хороший и щедрый человек. Но...

Но ведь ему шел уже пятьдесят восьмой год! Лет тридцать назад, судя по старым портретам и дагерротипам, он был писанным красавцем, но теперь... А ведь она была молодая, чувствительная, красивая женщина! *А вокруг имелось так много соблазнов...*

Свой выбор она остановила на бриллианте, который, подобно одинокой звезде на ночном небосклоне, рассыпал в приглушенном свете свечей разноцветные блики. Графиня погладила его покатые грани и ощутила на шее приятный холодок. Никто еще не видел этого баснословно ценного подарка. Никто, кроме мужа, его преподнесшего...

А также ее Гриши, ее милого Гриши, с которым она предавалась греху в меблированных комнатах на окраине столицы, — и из одежды на ней оставался только этот бриллиант, что было так пикантно и возбуждающе! Они провели упоительные полдня, любили друг друга, засыпали и просыпались в объятиях, снова любили. И Гриша, ее милый Гриша, сказал, что купит ей камень еще больше, потому что любит ее так, как никто на земле! Ах как это было хорошо! Жаль только, что его слова никогда не сбудутся, ибо у Гриши, *ее милого Гриши*, за душой ничего нет.

---

¹ Красная Шапочка (фр.).

А у нее есть граф — миллионщик, важный чин и щедрая душа, покупающий ей гигантские бриллианты.

И все же... *И все же любила она не графа, а Гришу, милого Гришу!*

Как хорошо, что дела вызвали графа в Туркестан! Это значило, что она почти целый месяц сможет наслаждаться свободой. А также своим романом с поручиком Юркевичем...

Когда графиня вернулась в гостиную, она застала там уже четырех гостей. Первым с софы поднялся человек, ради которого все и собрались в этот промозглый ноябрьский день в ее доме на Мойке.

— Мадам графиня очаровательна, как всегда! — произнес месье Гийом, облаченный во все черное: это был крошечный мужчина с неприятным лицом, абсолютно лысым черепом и вкрадчивым голосом.

И помимо этого он был легендарным парижским медиумом, который почтил Петербург своим визитом и которого хотели заполучить к себе в гости все и вся, в том числе члены императорской фамилии. Однако именно в ее доме месье Гийом покажет, на что способен!

Медиум поцеловал графине руку, а она, нацепив елеиную улыбку, приветствовала баронессу фон Минден-Шейнау, дальнюю родственницу своего мужа. Приходилось делать вид, что они лучшие подруги, хотя они терпеть друг друга не могли.

— Ах, милая моя, какое чудное платье! — произнесла графиня, со злорадством отмечая, что платье, несомненно сшитое у лучшей модистки, идет баронессе как корове седло и нисколько не скрывает, а наоборот, подчеркивает все недостатки ее далеко не идеальной фигуры.

Баронесса взглянула на огромный бриллиант, украшающий шею графини, и проскрипела:

— Душечка, что за прелестный камушек! Неужели топаз аль аквамарин?

Баронесса была приставлена графом к молодой жене в дуэньи, наведывалась к ней в дом ежедневно и наверняка посылала многословные отчеты своему родственнику о том, как ведет себя его супруга.

— Отчего же, милая моя, индийский алмаз! — с милой улыбкой ответила графиня. — Серж мне привез из Лондона. Разве он не упоминал?

Она поприветствовала супруга баронессы, который все равно никогда ничего не говорил, а также элегантного юношу-бездельника, который отирался во многих салонах и наверняка был бы не прочь завести с ней роман, однако — по причине романа с поручиком Юркевичем — оказался не у дел.

Завязался разговор о драгоценных камнях, графиня даже сняла бриллиант с шейки. И меcье Гийом, попросивший называть его мэтром, едва дотронувшись до него, провозгласил:

— Это камень смерти! О, вижу кровь, много крови! Ради него убивали и будут убивать!

Он говорил так проникновенно и убедительно, что всех охватил ужас.

— Милейший, ради любого бриллианта, в особенности столь большого, как этот, убивали и будут убивать! — раздался громкий насмешливый голос, и графиня, обернувшись, увидела коренастого господина с рыжеватой бородой.

— Ах, Глеб Трофимович! — сказала она удивленно. — Вы все же почтили нас своим визитом?

Известный беллетрист Державин-Клеопатров, поцеловав руку присутствующим дамам, произнес:

— Милая Зинаида Евсеевна, чуть свет — и я у ваших ног. Да, еще два часа назад думал, что умру от мигрени, а она возьми и пройди! Так разве мог я пропустить суаре в вашем милом доме! Что за чудный камешек! Разрешите, графиня?

И, ослабившись, произнес по-французски, обращаясь к парижскому медиуму:

— Месье, вы, говорят, предсказываете судьбу? Не соблаговолите ли мне погадать?

Держа в одной руке бриллиант, он протянул ему другую свою короткопалую, совсем не артистическую пятерню, покрытую густыми рыжеватыми волосками.

Блеснув глазами, мэтр отвечивал:

— Месье, мне не нужна ваша рука, чтобы увидеть печать смерти на вашем челе. Вы скончаетесь до конца года!

Беллетрист дернулся, и его попытка публично высмеять медиума, поскольку разного рода колдунов он на дух не переносил, считал шарлатанами и выводил в роли мерзавцев и пройдох в своих развлекательных романах, пользовавшихся огромной популярностью, провалилась. Но, не желая примириться с поражением, Державин-Клеопатров со смешком продолжил:

— Какого, позвольте полюбопытствовать? 1977-го? С учетом, что сейчас на дворе год 1913-й, а мне сорок два, перспектива прожить еще шестьдесят четыре года и скончаться старцем Мафусаилова возраста не так уж дурна!

Все рассмеялись, атмосфера, рожденная прямолинейной, повеявшей могильным холодом фразой француза, разрядилась.

— Увы, нет, месье! — тихо возразил медиум. — Печать смерти видна более чем отчетливо... Вы умрете до конца этого года!

У всех собравшихся, даже у молчаливого барона, вырвался крик негодования — *на дворе была середина ноября!*

Державин-Клеопатров, нервно усмехнувшись, просунул указательный палец правой руки под воротник, машинально поправил и так безукоризненно сидящий галстук и произнес:

— Не много же вы мне ответили, милейший!

— Не я, а судьба, месье. *Судьба!*

Возникла неловкая гнетущая пауза, обстановка могла взорваться в любую секунду, но тут, по счастью, Захар на всю залу объявил:

— Князь и княгиня Бобруйские! И полковник Цицер с супругой!

Графиня метнулась к двери, а беллетрист, сжимая в руке бриллиант, произнес:

— Что ж, ведь на кону небывалая ставка — моя жизнь! Потеря для литературного мира Петербурга, точнее для всей России, будет невозполнимая. В особенности для моего издателя, который на мне обогащается непомерно. Но на кону и ваша честь, мэтр! И профессиональная репутация. Скажи вы, что я скончаюсь через двадцать лет от, скажем, укуса кобры в Нубийской пустыне, никто и никогда не был бы в состоянии проверить это. Но вы ответили мне всего шесть недель земного существования!

Было заметно, что предсказание медиума, в правдивость которого беллетрист не верил, его все же задело, причем очень сильно.

— Ах, Глеб Трофимович, поведайте нам лучше сюжет своего нового увлекательнейшего романа, который должен выйти к Рождеству! — воскликнула графиня, вернувшаяся к гостям и пытавшаяся сменить неприятную и грозившую ненужным скандалом тему.

— Сюжет прост: в нем убивают известного медиума! — с усмешкой проговорил Державин-Клеопатров. — Однако давайте вернемся к моему предложению. Ставлю... Ставлю пять тысяч рублей золотом, что доживу до выхода своей новой книги, намеченного на Рождество! Ведь месье пророчит мне кончину в декабре...

Все усталились на медиума, но тот, склонив голову, ничего не ответил.

— Приглашаю всех ко мне на разговение! — дерзко продолжал беллетрист. — И вас, месье, конечно, тоже. Правда, судя по вашим подсчетам, мне тогда не празднество организовывать надобно, а собственные похороны!

— Глеб Трофимович! — попыталась снова унять его графиня, но прочие гости с большим интересом следили за развитием событий. Заметим, многие пришли сюда не только для того, чтобы взглянуть на прославленного провидца, но и чтобы поглазеть, как графиня будет принимать в мужнином доме, в отсутствие супруга своего любовника, поручика Юркевича.

А тут новый скандал, да еще такой... *Такой жуткий!*

— А какова будет ваша ставка, месье? — спросил Державин-Клеопатров, избегая смотреть на медиума. — Хрустальный череп, украшающий вашу спальню, или колода карт, пропахшая серой?

Медиум воздел к потолку тонкие белые пальцы, а потом снял с одного из них явно старинный перстень с необработанным плоским темно-зеленым изумрудом, на котором было что-то вырезано.

— Он принадлежал моему пращуру, египетскому жрецу богини Изиды, — сказал он тихо. — Можете удостовериться, что это не подделка!

Бросив взгляд на перстень, беллетрист кивнул:

— Отлично! Тогда все присутствующие стали свидетелями нашего пари, месье. И прошу вас не терять и не отдавать в залог перстень в ближайшие недели — он мне еще пригодится!

Беллетрист неловко взмахнул рукой, и бриллиант, который он все еще держал в руке и о котором напроць забыл, перелетел через всю комнату, задел висящий на стене кривой турецкий ятаган, отчего тот покачнулся, и, зацепившись цепочкой за каминную решетку, повис на оной.

— Глеб Трофимович! — вскричала графиня. В возникшей суматохе Захар объявил о прибытии госпожи Чернозвоновой с дочерью.

И в этот момент турецкий ятаган с грохотом полетел на пол.

Когда наконец бриллиант был показан всем гостям и водружен обратно на шейку хозяйки, а ятаган снова занял свое место на стене, потекла обычная светская беседа. Графиня то и дело посматривала на большие бронзовые часы, и все понимали, что она ждет одного человека — своего любовника поручика Юркевича!

И все же центром внимания был мэтр Гийом. После перепалки с беллетристом Державиным-Клеопатровым, который обычно блистал сарказмом, а теперь больше отмалчивался, словно погруженный в думы, медиум снова превратился в эксцентричного, забавного иностранца. Неудивительно, что разговор вертелся вокруг потусторонних, мистических вещей, предсказаний и семейных проклятий. Княгиня Бобруйская как раз завершала рассказ о фамильном привидении, которое обитало в их тверском поместье, как вдруг раздался зычный голос беллетриста:

— И как это произойдет?

Княгиня смолкла на полуслове, потеряв нить повествования. Нахмурившись, графиня прошипела:

— Глеб Трофимович, прошу вас...

Смешно моргая, княгиня продолжила:

— И вот мой дядя решил спуститься в склеп, где покоится несчастная наша пращурка, не дающая покоя своим живым потомкам. Вооружившись фонарем и дубинкой, он ночью двинулся на заброшенное кладбище, располагающееся подле нашего поместья...

— Я хочу знать, как это произойдет! — прервал ее визгливым, даже истеричным возгласом беллетрист. — Это что, окончательный приговор, который обжалованию не подлежит? Чего мне бояться? Холе-

ры, которой я заболею, выпив воды из Невы? Стремянки, при помощи которой буду доставать в библиотеке фолиант с последней полки? Резвых коняшек, который понесут мой экипаж?

Княгиня раскрывала и закрывала рот, походя на выброшенную на берег рыбину. Напряжение нарастало, было заметно, как на лбу у беллетриста вздулась вена. Зыркнув на медиума, как сыч, он крикнул:

— Ну, чего вы молчите, мэтр? Язык проглотили?

Месье Гийом вздохнул и тихо произнес:

— Материя, из которой соткана наша судьба, состоит из неведомого числа нитей. Одни рвутся, но тут же, словно из ничего, возникают другие. Узор, который казался ясным, вдруг на глазах, как стеклышки в калейдоскопе, меняется. И финальный рисунок оказывается совсем не тем, какой намечался с самого начала...

Он сделал паузу, собравшиеся смотрели на него, боясь пошевелиться.

— Не претендую на то, месье, что знаю все о механизмах судьбы и о том, как изменить предначертанное. Мне кое-что известно, возможно, чуть больше, чем обычным смертным, но не более того... Ибо всей полнотой знания об этом не обладает никто из живых!

Француз снова замолчал, вздохнул и продолжил:

— Поэтому, повторяюсь, судьба — это не линии, выбитые в граните, а тонкие, рвущиеся нити в ткацком станке Фатума. Вы правы — нет ничего незыблемого, ибо все течет и меняется. В том числе и река судьбы. И любое предсказание всегда содержит потенциальную ошибку. Ибо изменить судьбу можно...

— Как? — раздался чей-то томный голос, и мэтр слабо усмехнулся:

— О! Рецептов великое множество! Любой пустяк может изменить весь ход событий. Но, с другой стороны, можно целенаправленно пытаться избежать не-